

Ярослав Романович
ДАШКЕВИЧ
1926–2010

ДО 80-ТИРІЧЧЯ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ Я.Р. ДАШКЕВИЧА

Е.К. Анареева, К.И. Красильников

Я.Р. ДАШКЕВИЧ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМНЕРЕЗНОГО ИСКУССТВА КОЧЕВНИКОВ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Среди знаний, соизмеримых с понятием “историческая эрудиция Ярослава Романовича Дашкевича”, имеют место малоизвестные научным кругам разработки, связанные с исследованием духовного мира кочевников Восточноевропейских степей. Речь идет о предложенных им новых концептуальных подходах к анализу монументального статуарного искусства, собранного в коллекциях Украины и России. Свое видение проблем, интерпретаций в изучении каменных изваяний он изложил в монографическом исследовании в соавторстве с Эдвардом Трыарски (Польша). Ими подробно обработаны и обобщены материалы уникального собрания статуй, хранящихся на территории природо-экологического заповедника Аскании-Нова [Дашкевич, Трыарски 1982].

История его создания, как и статуй, его составляющих, насчитывает без малого 200 лет. Ссылаясь на множество документов с действующими лицами, Я.Р. Дашкевич воссоздает историческую летопись историко-ботанического заповедника, в котором еще с первой половины XIX века сохраняются 17 скульптур [Дашкевич, Трыарски 1982, 138–147]. Необходимость их изучения определялась тем, что они лишь однажды, в 60-х годах XX ст., если не принимать во внимание обычные статистические данные так называемых “переписей” 1844 и 1903–1905 годов, частично исследованы. Тогда же в иллюстративный каталог С.А. Плетнёвой было включено 10 статуй с краткой аннотацией [Плетнёва 1974, 108–186, табл. 70, 72, 75].

В последующие десятилетия XX ст. изваяния Аскании-Нова, как статуарные формы, тиражировали во многих научных, научно-популярных и иллюстративных изданиях в контексте известного степного заповедника Восточной Европы, при этом

никаких научных изысканий скульптурного собрания не проводили. Необычность Я.Р. Дашкевича как ученого-источниковеда заключается в том, что темы статуарного искусства кочевников – совершенно иное научное направление, познанием которого он никогда не занимался. Не менее важно то обстоятельство, что монография написана двумя авторами, но назвать их соавторами сложно уже хотя бы потому, что одни и те же источники и, казалось бы, дублирующие к ним вопросы изложены исключительно индивидуально, при этом сопровождаются соответствующими комментариями и суждениями.

Выделим блок тем, на которых Я.Р. Дашкевич счел нужным сосредоточить внимание. Они, в частности, нашли отображение во втором и третьем разделах вышеназванной монографии.

Несмотря на то что каждый из разделов имеет тематическую направленность, например этническая атрибуция статуй или описания коллекции в контексте с другими собраниями Украины, автор главным считает вопрос об источниках, обозначив это понятие как “судьба каменных изваяний” в пространстве от постполовецкого времени до современности. При анализе состояния статуарных артефактов им приведены картины массовых уничтожений каменных скульптур, начало которым положило монголо-татарское вторжение в половецкую степь. Уже в XIII ст. статуи исчезают с горизонтов степей. По мнению ученого, в одном случае их сваливают и закапывают с целью скрыть и уберечь от осквернения врагами сами же половцы, в другом – низложение и разрушение идолов осуществляли завоеватели. Ведь в них могли усматривать покровителей половецкого воинства, обереги военачальников, ханов, сакральные места половецких орд. В то же время,

исследуя проблему разрушенных статуй, автор не принимает во внимание фактор преднамеренного “умерщвления” скульптур в святилищах, принадлежавших все тем же половцам. В реальности таких действий Я.Р. Дашкевич выражает сомнения. В частности, оппонирует М.Л. Швецову по вопросу святилищ и разбитых в них статуй [Швецов 1979, 199–209]. Я.Р. Дашкевич апеллирует к исторической логике, в рационализме которой трудно усомниться. Автор считает, что термин “святилище” исторически правомерен лишь в том случае, если он сопровождается скоплением значительного количества “каменных баб” на ограниченном пространстве [Дашкевич, Трыярски 1982, 117]. Наша позиция в дискуссии о святилищах, предназначении и судьбах статуй ближе ко взглядам М.Л. Швецова. Приведем на этот счет археологические свидетельства раскрытых комплексов с каменными статуями в Донецком кряже Луганщины [Евдокимов 1975, 11–12; Евлевский 1996, 214–216] и таких же в Донецкой [Санжаров 1993, 88–89] и Ростовской областях [Гугуев, Гуркин 1992, 127; Гугуев 2001, 72–82; Прокофьев 2004, 300–306]. На одном из нами раскрытых святилищ Подонцовья остановимся подробнее.

Святилище в комплексе трех курганов изучено у с. Каменка на р. Мечетной Лутугинского района Луганской области. В кургане 1 обнаружены крупные и множество мелких фрагментов двух статуй, изготовленных из мергеля. Реставрировав их, удалось зафиксировать изображения молодых, аристократизированных воинов с почти однообразными лицами, тщательно проработанными деталями военной амуниции (панцири, шлемы, ремни, бляхи) и сопроводительного инвентаря (сосуд, предметы быта) (рис. 1, 1–2).

Два рядом расположенных кургана – продолжение этого же комплекса. В одном из них находился набор оружия (стрелы, нож), упряжи лошади (удила, стремяна, пряжки) (рис. 1, 3), предметы гарнитуры одежды с изображением медведей (рис. 1, 4) – лесных тотемов, достаточно известных в традициях населения сибирских массивов [Соколова 1972, 63–67]. Кстати, скульптурные образы медведей найдены в подкурганых святилищах Донецкого кряжа [Швецов 1979, 200–201, рис. 1, 5; 2]. Во

втором был жертвенник (конина), посуда (фрагмент кувшина) (рис. 1, 5), меч-палаш, по отношению к которому совершен обряд “умерщвления”, то есть его рукоять преднамеренно изогнута в кольцо (рис. 1, 6) [Мерперт 1955, 145; Кызласов 2008, 72–76].

Попытаемся воссоздать вид половецкого святилища и определить обряды, происходившие в данном месте [Красильникова, Красильников 2009, 179–193]. Использование курганов с каменными перекрытиями (панцирями), создание оградок, вымосток при обустройстве сакральных мест в среде тюркских народов – явления распространенные, но основными критериями их святилищ все же являются каменные изваяния и обряды, имеющие к ним отношение. Они, вероятно, порой заключались в преднамеренном разрушении скульптур, как бы их “умерщвлении”. Аналогичные действия, но с применением огня, исполнены в отношении оружия и инвентаря, зафиксированных в двух рядом расположенных курганах. Из набора признаков, касающихся скульптурных образов воинов, разнообразия инвентаря и обрядов, к ним направленным, можно заключить, что святилище имело высокий социально-культурный статус, связанный с почитанием военной аристократии [Плетнёва 1974, 75–76].

Естественно, предметные исторические реконструкции Я.Р. Дашкевичу создать не было возможности, так как им к теме, касающейся семантики скульптур, использованы статуи-источники, утратившие первоначальные местонахождения, то есть привезенные в коллекцию заповедника. Да и сам Я.Р. Дашкевич, говоря о предназначении статуарного искусства, неоднократно отмечал, что без археологических материалов, ссылок на раскопки кочевнических древностей, информации из письменных источников X–XIV вв., как, например, Низами, Г. Рубрук, картина событий, протекавших в степях Северного Причерноморья, будет исторически недостаточной.

Возвращаясь к теме достоверности источников камнерезного дела кочевников, автор считает, что основная часть статуй все же уничтожена в постмонгольское время. Трагедия тюркского искусства связана с проникновением и укреплением в среде

степных этносов мусульманства, равно как христианства. Теперь, по мнению Я.Р. Дашкевича, статуи подвергались исключительно физическому уничтожению, например их использовали в качестве строительного материала. Он подробно освещает “мрачную и удручающую картину отношения населения” (Я.Д.) в условиях конфессионального фанатизма в регионах средоточия статуй на протяжении периода истории от XIV до начала XX ст. В работе Я.Р. Дашкевича приводятся сведения о попытках части интеллигенции, ученых XIX ст. “приостановить неизбежную гибель, обличить невежество, религиозные предрассудки, идеи борьбы с идолами, легкомысленные другие действия, приводившие к гибели культурного наследия тюркских народов” (Я.Д.).

Однако изложенные документированные сведения уничтожения скульптур не являются самоцелью, автор стремится обосновать им же предложенные идеи. Первая касается количества изваяний в степях Восточной Европы, которых, по его мнению, было в десятки раз больше, нежели учтенных в каталоге 1974 г. С.А. Плетнёвой. Вторая: отсутствие скульптур в определенных южных регионах не обязательное свидетельство того, что их там не было вообще. Другими словами, ареал первоначального распространения статуй значительно изменился вследствие длительного истребления и перемещения. Третья: зафиксированные учеными места современного скопления статуй – вполне случайная ситуация, так как насыщенность ими отдельных регионов зависит от времени хозяйственного освоения земель в последующие, в основном поздние, периоды. В этой связи отметим, что при рассмотрении проблемы количества тюркских каменных изваяний, рассредоточенных в Восточноевропейских степях, Я.Р. Дашкевич впервые приводит историко-архивные свидетельства очевидцев прежних местонахождений, показывает динамику и статистику поисков лицами, участвующими в этой работе.

По документальным свидетельствам так называемых “переписей”, в середине XIX века преимущественно в степях Украины и России находилось около 650 тюркских изваяний. По результатам “переписи”, осуществленной в начале XX ст., их число почти удвоилось и уже значилось около

1140 статуй. К середине этого же века в результате дальнейших поисков ранее названную цифру увеличили до 1360 ед. В “Свод источников половецких каменных изваяний”, опубликованный в 1974 г., включены сведения лишь о 930 реально существующих скульптурах. Сегодня статистика вышла на тысячу экземпляров статуй, поэтому, заключает Дашкевич, вряд ли сейчас представится возможным решить вопрос о том, каким было количество статуй в прошлом. Ученый считает, что в половецкое время почти на каждом видимом издалека высоком месте стояла статуя. Комментируя статистические данные, он же указывает, что “попытки определить количество статуй могут носить характер не более чем гипотез в пространственных ареалах их распространения”.

Вопросы по выявлению конкретных местонахождений изваяний тюркского этноса, в свою очередь, сопровождаются рядом сложностей. Первая – вынужденная ретроспективная реконструкция ареалов их обитания. Вторая – постоянные перемещения (свозы) статуй как на близкие, так и на отдаленные и очень отдаленные расстояния, как, например, на Север России (Санкт-Петербург), в Прибалтику (Вильнюс), Закавказье (Тбилиси), Центральную Европу (Варшава, Берлин) и даже за океан (в Канаду).

Заметную путаницу в определении ареалов распространения тюркских статуй внесла этнотерминология, сохранившаяся из прошлых столетий. В украинском значении они “кам’яні баби”, “кам’яний дід”, “кам’яна дівка”, “кам’яний мамай” – чудовище; в тюркском – “бал-бал”, “бава” – предок, запечатленный в камне; в русском – “каменное изваяние”, “каменная баба” и “каменный истукан”. В эти и другие теперь редко упоминаемые понятия, например “статуя с чашей”, могли включать все изображения, исполненные в камне, например древние антропоморфные стелы или скифские идолы, поздние скульптурные новоделы. Подчеркивая научную значимость поисковой работы Н.И. Веселовского, Я.Р. Дашкевич отметил, что он по внешним признакам обозначил признаки классификации всей серии тюркских каменных изваяний, однако завершить работу по учету пространственного ареала ему не удалось.

Тему ареала распространения половецких изваяний продолжил Г.А. Фёдоров-Давыдов [Фёдоров-Давыдов 1966, 186–188], позднее – С.А. Плетнёва [Плетнёва 1974, 13–17]. Оба автора проводят параллель между географией половецких орд и распространением на их пространствах статуй. Я.Р. Дашкевич в этом вопросе занимает иные позиции, а именно: рассматривать ареал распространения статуй и ареал расселения половецких следует в системе изолированности. Подобная концепция имела место у А.С. Уварова, но он различает типы статуй размещает в определенных географических пространствах. Я.Р. Дашкевич наметил семь территориально-географических регионов, к которым привязывает всю серию каменных изваяний и одновременно проводит линии границ между ними. Юго-западная граница – Нижнее Подунавье, Днестро-Днепровское междуречье, западная граница – Подолье (Каменец-Подольский регион). На среднем правобережье Днепра обнаружено только три статуи, все они в Поросье, как бы на территории земель черных клобуков. Некоторое число каменных изваяний, выявленных в среднем Днепровском левобережье, по поводу их исторического местонахождения вызывали и вызывают немало разночтений. Например, обнаружение статуй в современной лесостепи – Харьковской и Полтавской областях – объясняют перевозкой их из южных зон, Я.Р. Дашкевич же убедительно отстаивает правомерность изготовления и распространения тюркских статуй в лесостепном левобережном Поднепровье. Северо-западная граница статуарных памятников в направлении Окско-Донской возвышенности остается наиболее неопределяемой, так как найденные здесь несколько статуй, вероятнее всего, явились результатом перевозки их откуда-то издалека.

Северо-восточная граница, по мнению автора, проходит по правобережью Волги. Наибольшее скопление в этом массиве совпадает с Саратовской областью, южнее, в Самарских, Оренбургских, Астраханских краях, их число заметно возрастает. Причем, как считает Я.Р. Дашкевич, вряд ли они попадают сюда из южных регионов, например из Предкавказья.

Южные границы совпадают с Северным Кавказом и Крымом. Таким образом,

заключает Я.Р. Дашкевич, география пространственного ареала распространения тюркских каменных изваяний, по сохранившимся артефактам, в том числе литературным данным, определяется огромным четырехугольником со сторонами: 750 км (Подунавье – Подолье) x 1500 км (Подолье – Прикамье) x 1500 км (Прикамье – Предкавказье) x 1200 км (Предкавказье – Подунавье). Ареал этот составляет примерно пятую часть территории Восточной Европы [Дашкевич, Трыярски 1982, 96]. Для сравнения укажем, что половецкие земли простирались в пространстве около 750 км с востока на запад и 500 км с севера на юг [Плетнёва 1974, 18; 2003, 152]. Географически они локализируются в пространстве Нижний Днепр – Среднее Поволжье, что соответствует азимутам с направлением юго-запад – северо-восток [Плетнёва 1974, рис. 5; 1990, 149].

Говоря о перспективах определения ареалов распространения статуй, Я.Р. Дашкевич полагает, что при дальнейшем изучении источников в эту тему могут быть внесены коррективы в направлении расширения границ, при этом обозначает, что они окажутся за пределами пространств расселения тюркского этноса. Следовательно, заключает автор, монументальная скульптура не является моноэтнической атрибуцией и ее распространение на значительной территории Восточной Европы не что иное, как культурное наследие многих народов.

Выводы Я.Р. Дашкевича оказались более чем неожиданными, их появление определили два обстоятельства. Во-первых, являясь исключительно историком, в вопросах распространения статуй автор в большей степени использует литературно-исторические предания и по ним воссоздает географический образ их местонахождений.

Во-вторых, Я.Р. Дашкевич, увлекшись идеей ареала распространения статуй не только в Восточной, но отчасти Центральной Европе, как бы отошел от основного вопроса исследования тюркской антропоморфной скульптуры, обозначив все статуи как “культурное наследие народов” [Дашкевич, Трыярски 1982, 97]. Такого рода тезис не мог не найти отображение в разработанных им же вопросах, касающихся типологии, хронологии и этносов,

создавших в степных пространствах Европы монументальное искусство в камне. Тюркская скульптура в этом явлении, как известно, составила заключительное звено длительной эволюции камнерезного искусства народов Северного Причерноморья. Именно здесь, по мнению автора, переплетаются исторически сложившиеся традиции обработки камня с идеями языческого идолопоклонничества, сакрального, социального направлений. Обосновывая исторические корни искусства степных народов, Я.Р. Дашкевич предлагает собственную типологическую схему, в основу которой положены не традиционные композиционно-иконографические признаки, а этнохронологическая эволюция. В этой системе он ссылается на ранний опыт камнеобрабатывающего дела в образе антропоморфных стел эпохи ранних металлов 3–2 тыс. до н.э. Несмотря на трехтысячелетнюю дистанцию между стелами и тюркскими круглыми скульптурами, он в композиционных приемах прослеживает влияние древнейших форм на последующие этапы изготовления статуй. В их промежутке находятся так называемые «скифские скульптуры». Идентификация и хронология скифских статуарий Я.Р. Дашкевичем построена с учетом атрибуций, изображенных на скульптурах 1 тыс. до н.э.: акинак, ритон, горит и др. Они же, хотя и очень редко, составляют инвентарные комплексы из захоронений VI–IV ст. до н.э. Характеризуя скифскую скульптуру, пишет Я.Р. Дашкевич, ученые обращают внимание на два обстоятельства: первое – практически полное невосприятие античных статуарных традиций скифами, которые так близко и сравнительно долго взаимодействовали с античным обществом, но художественный импульс греческой скульптуры оказался ими мало востребованным [Хазанов 1975, 88]; второе – исторические параллели европейских скифских статуй с более поздними тюркскими аналогиями из Сибири. Они касаются изображения предметов посуды, удерживаемой в руках, оружия на поясах, наличия усов и другого, свидетельствующего об имевшей место преемственности признаков, одинаково сформированных на центральноазиатской территории, из которой происходят два разноязычных этноса. Не учитывать территориальное «родство» скифских и

тюркских скульптур степей Восточной Европы – по мнению Я.Р. Дашкевича, значит заведомо определять несовершенство типологических критериев и не исчерпывать их характеристик. Например, типобразующими признаками могут являться способы изображения головы, видимо, в данном случае автор имеет в виду трехмерный абрис, наличие или, напротив, отсутствие сосуда, рельефность (округлость) или уплощенность (стелообразность) фигуры, только затем учитываются позы, пол и, конечно же, эстетические особенности. В нашем представлении акценты одного или другого направлений – все же субъективное мнение автора. Тем не менее у Я.Р. Дашкевича есть все основания критически оценивать позиции авторов исследований, касающихся так называемых типолого-методологических построений. Он, например, приводит высказывание Г.А. Фёдорова-Давыдова относительно типологии, построенной на внешних, чисто визуальных наблюдениях и впечатлениях: «Стоящие статуи, как более ранний вариант половецкого искусства, вырождаются в стелообразные, повторяющие очертания каменного столба со схематически трактованным лицом и лишь некоторыми реальными деталями тела. В это время появляются продолжающие реалистическую линию «сидящие» статуи. Можно думать, что «сидящие» статуи также переродились бы в схематизированные стелы, но этот процесс был пресечен монгольскими завоевателями» [Фёдоров-Давыдов 1976, 96]. К сожалению, заключает Ярослав Романович, это просто надуманное построение, для подкрепления которого отсутствуют объективные данные. Что же предполагает Я.Р. Дашкевич в оценках типологических критериев тюркских статуй? Прежде всего, обратить внимание на этнографические признаки, их атрибуции, как источники, определяющие этническую принадлежность. Для Дашкевича исполненная на статуях экипировка одежды остается первостепенным индикатором причастности этносов к созданию статуй, на что, в вопросе о их половецкой принадлежности, неоднократно ссылаются Н.И. Веселовский, Л.П. Зяблин, Г.А. Фёдоров-Давыдов, С.А. Плетнёва, К.И. Красильников и др.

Представители противоположной монотнической – полиэтнической концепции,

к которой относит себя Дашкевич, значительно расширяют этнографию и хронологию статуй, доводя ее до конца XIV века, а их создателями являлись в том числе и татары до принятия ими ислама. В определении начальной даты появления изваяний в степях Юго-Восточной Европы длительное время пользовались хронологией Н.И. Веселовского, обозначившего их появление VI веком и далее прогрессирующий период в 6–7 столетий. В вопросах общей хронологии статуй приверженцы половецкой принадлежности и их оппоненты, по мнению Дашкевича, расходятся по нескольким позициям, в том числе о достоверности свидетельств из письменных источников, соответствии статуй с половецкими погребениями и в другом. В первом случае фигурируют свидетельства из поэмы XII в. Низами Ганджеви и ее прозаического перевода, Искандер-наме. В ней говорится об установке статуй, которым поклоняются половцы – кыпчаки, но кто из степняков создавал скульптуры, то есть о “творцах” статуй, сообщений не прослеживаем. Вопрос остается открытым даже после знакомства с литературно-мемуарными материалами XIII в., оставленными Г. де Рубруком. Правда, автор несколько конкретизирует ситуацию, связанную с появлением статуй: “Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке... чашу” [Г. де Рубрук 1952, 102]. И здесь опять же вопрос: кто же ставит ему статую? Во второй позиции, касающейся географии, приверженцы половецкой гипотезы статуй размещают их исключительно в пространствах Половецкой степи, или Дешт-и-Кыпчак. Более того, по каменным изваяниям порой определяют географические параметры половецких объединений, что, по мнению Я.Р. Дашкевича, методологически недопустимо [Плетнёва 1974, 17, рис. 5]. Насколько оправданы подходы привязывать каменные изваяния южных степей Восточной Европы к конгломератам тюркских народов, предстоит еще выяснить, однако идеями Я.Р. Дашкевича о полиэтнизме статуй воспользовались незамедлительно [Гераськова 1991, 99]. В обосновании моноэтнической “половецкой принадлежности восточноевропейских скульптур” Я.Р. Дашкевич прибегает

к идентификации инвентарных комплексов из захоронений кочевников с изображениями предметов и атрибутов на скульптурах. Однако трудности идентификации возникают оттого, что значительная часть статуй в состоянии заметного физического износа из-за выветривания или шелушения их поверхности, к тому же часть из них расколота на две и более частей, определенный процент статуй как бы “безынвентарные”. Не менее сложно по инвентарю из погребений поздних кочевников среди идентичного многообразия достоверно обозначить вещи, принадлежность которых половцам не вызывала бы сомнений. Словом, заключает Я.Р. Дашкевич, атрибуция половецких погребений наталкивается на факты инвентарной близости, если не идентичности, с кочевническими древностями, оставленными практически во всех захоронениях евразийского пространства. Таким образом, аргументы, изложенные Я.Р. Дашкевичем, по существу, являются контраргументами в отношении “половецкой гипотезы каменных баб”.

Из косвенных, исключительно этнографических данных, обосновывающих “отсутствие права” монополии половцев на создание каменных статуй, Я.Р. Дашкевич приводит этнографические материалы центральноазиатских народов, у которых даже в XIX веке сохранился обычай создания, установки и почитания статуй. В данном случае речь идет об обрядах, при которых над погребенными ставят их изображение, вытесанное из камня или вырезанное из дерева, порой вылепленное из глины с добавлением пепла сожженного праха умерших. В правой руке таких статуй находится сосуд, в него помещают оставшуюся часть праха. В этом случае выводы Я.Р. Дашкевича совершенно определены: установка каменных баб не являлась тюркской монополией, а тем более монополией одного из его народов в лице половцев XI–XIII вв.

Сомнения в исключительно половецкой принадлежности статуй Я.Р. Дашкевич высказывает, рассмотрев демографо-социальные данные. Он, в частности, считает, что скульптуры изготовляли и устанавливали видным представителям общества номадов, поэтому “всякий прочий кочевник вряд ли мог рассчитывать на посмертный знак, причем вопрос не только в материаль-

ных затратах по оплате ремесленникам их изготавливавшим, но, что не менее важно, статуи являлись своеобразными атрибутами сакралитета, на создание и установку которых, видимо, требовалось согласие определенных кругов кочевой аристократии или администрации орды, управляющей территорией. Наконец, высказанные гипотезы о якобы изготовленных, возможно, до 40 тыс. статуях мужского и женского пола, запечатленных в каменных монументах, по мнению Дашкевича, выглядят достаточно сомнительными. К тому же следует добавить, что высечь такое количество скульптур в ограниченном менее чем двумя столетиями временном пространстве физически невозможно. Реально на их изготовление, считает Я.Р. Дашкевич, потребовалось бы не менее 6–7 столетий при условии постоянно функционирующей в карьерах камнедобывающей отрасли и ремесленно-художественных камнерезных мастерских.

Итак, проработав разнообразные источники и сведения письменного, археологического, этнографического, географического, демографического направлений, критически проанализировав реальности этого вида искусства, Я.Р. Дашкевич пришел к выводу о том, что каменные бабы тюркского типа устанавливались на огромных пространствах Восточной Европы. Их воздвигали в честь видных представителей кочевых обществ из числа различных этносов: протоболгары, печенеги, торки, половцы, ранние монголо-татары, возможно, и другие народы. Их изготовление занимает отрезок времени в тысячу лет – с VI по XV в., то есть с момента появления первых тюркютов в Европе, до исчезновения шаманизма и внедрения мусульманства в среду степных этносов. Восточноевропейские каменные статуи тюркских кочевых народов явились следствием трансплантации обычаев, возникших в Центральной Азии, но несколько модифицированных на причерноморских территориях. Это явилось следствием влияния многовековых традиций, исходящих от антропоморфных стел эпохи ранних металлов, отчасти античных ваяний, скульптур иранских племен раннего железного века. Таким образом, азиатские тюркские скульптурные варианты в европейских степях в конечном итоге сформировались под воздействием полиэтничного статуарного искусства и

одновременно явились заключительным этапом предшествующих звеньев антропоморфной скульптуры Восточной Европы. Заметим, изложенные концептуальные положения Я.Р. Дашкевича, касающиеся происхождения, хронологии, этносодержания камнерезного искусства в полном объеме, не совпали ни с одной из трактовок авторов, занимавшихся изучением этого вида искусства по программе: типология, иконография, эволюция и, конечно же, семантика. Все названные темы остаются проблемными, в их изложении необходимы знания не только археологического, этнографического направления, но и в искусствоведении. В этой связи автор не претендует на полный объем выводов, напротив, свои задачи он определяет желанием обозначить перспективы дальнейших поисков в исследованиях, при этом предлагает нетрадиционные пути.

Итак, рекомендации Я.Р. Дашкевича в проблематике изучения статуарного искусства оконтурены следующими направлениями. Во-первых, в письменных источниках искать убедительные данные, освещающие материальную культуру тюркютов в образе одежды, туалета, украшений, изделий быта и другом. Во-вторых, искать и обобщать эстетико-художественные идеалы, которые заложены в кочевническом мире, и их воплощение в монументальном искусстве. В-третьих, обратить внимание на доскональность, скрупулезность археологических изучений материальной культуры, прослеживаемой в погребениях. В-четвертых, фиксировать и издавать каталоги сохранившихся к нашему времени статуй. В-пятых, более предметно, с привлечением специалистов-геологов и современных методик, использовать петрографические материалы исследований и с их помощью получать данные о регионах и даже местах, где могли формироваться не только центры, но даже “художественные школы” конкретных групп изваяний. Отгалкиваясь от последнего тезиса, автор на примере коллекций изваяний Аскании-Нова описывает материалы петрографии пород, из которых “изваяны каменные бабы” (Я.Д.). Прецедентом к изучению петрографии статуй явились дискуссии о том, на какие расстояния к местам установки транспортировались статуи от мест их изготовления. В этой связи предприни-

мались попытки обозначить местонахождения так называемых “фабрик” по изготовлению скульптур.

Среди конкретных вопросов, имеющих отношение к петрографии, следует обозначить степень зависимости типа статуй, их иконографий, качество обработки от твердости пород, из которых они изваяны. Известно, что иконографическая законченность и качество детализировки скульптур не всегда определялись уровнем мастерства скульпторов, но и в значительной степени прочностью, твердостью материалов. Статуи, изготовленные из твердых пород, например гранита, отличались грубой обработкой, как бы незавершенностью форм, напротив, сравнительно мягкие песчаники, тем более известняки, мергели позволяли добиваться отделки, детализировки фигур и атрибутов, создавать индивидуальные портреты. Вместе с тем Я.Р. Дашкевич справедливо отмечает фактор влияния породы и на состояние сохранности произведения. В качестве примеров им приводятся петрографические исследования скульптур Аскании-Нова. В этой части монографии (раздел “Приложение”) наблюдаем редкую для скульптур петрографическую ситуацию, статуи исполнены из осадочных карбонатных пород, то есть мягких, нестойких к регрессивным природным явлениям, активно разрушающихся во времени мергелей. Только две из 17 скульптур изготовлены из прочных кристаллических пород – гранита.

Специфическая петрография почти всей серии скульптур Аскании-Нова по отношению к абсолютному большинству тюркских статуй степей Восточной Европы, при изготовлении которых в основном использовали столбообразные глыбы песчаников Донецкого кряжа, находит объяснение тем, что массив Аскании-Нова расположен в исключительно степной зоне Причерноморья, удаленной к юго-западу от кряжа до 300–350 км. Здесь одинаковая вероятность существования карьеров по

разработкам заготовок из местных пород. Известняковые породы и производные от них глинистые и песчаниковые мергели не являются материалами, обеспечивающими сакральному образу долголетнее существование. Хотя вопросы времени действий изваяний могли не возникать.

Заканчивая обзор творчества Я.Р. Дашкевича в изучении камнерезного искусства, отметим, что такого рода исследования только однажды оказались в сфере его научных интересов. Тем не менее автору удалось раскрыть во многом дискуссионные моменты, обосновать свои точки зрения по вопросам традиций камнерезного искусства вообще и тюркско-кочевнического в частности, обозначить нетрадиционные подходы в их решении. Я.Р. Дашкевич не археолог, поэтому ряд высказанных им в основном теоретических суждений по ключевым темам, затрагивающим семантику, святилища, хронологию, мировоззрение, социально-культурный уклад кочевников-тюркютов, отображенные в “идолах”, сохраняя актуальность, видимо, еще долго будут предметом исследований. В соответствии с традициями Я.Р. Дашкевича в вопросе изучения статуарных памятников локальных групп по материалам антропоморфных стел и изваяний, собранных в парке-музее г. Луганска, в форме диалога обозначены культурные взаимоотношения этносов степного Подонцовья, создавших в древности произведения камнерезного искусства [Красильников 2011].

Я.Р. Дашкевич – ученый с большой исторической интуицией, в том числе в области знаний, находящейся за пределами его основных научных интересов. Свидетельства тому – обширный историографический экскурс, опирающийся на литературу и источники отечественных и зарубежных исследователей, работавших в пространстве более 200 лет над темами скульптурного искусства народов степей Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Гераськова Л.С.* Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ, 1991.
- Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. Москва, 1957.

Гугуев Ю.К. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // *Донская археология*. 2001, № 3–4 (12–13).

Гугуев Ю.К., Гуркин С.В. Половецкое святилище середины XI – начала XIII вв. на правом берегу Нижнего Дона // *Донские древности*. Вып. 1. Азов, 1992.

Ярослав Р. Дашкевич, Эдвард Трыярски. Каменные бабы Причерноморских степей. Вроцлав, 1982.

Евглевский А.В. Культовое захоронение половецких изваяний в святилище Мечетное Поле Донбасса // *Древние культуры Восточной Украины*. Луганск, 1996.

Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В. и др. Отчет о раскопках кургана у с. Астахово Свердловского р-на Ворошиловградской области в 1975 / *Наук. архів ІА НАН України*, ф. 6, од. зб. 1975/50.

Красильников К.И. Древнее камнерезное искусство Луганщины. Луганск, 1999.

Красильников К.И. Диалог культур степного Подонцовья в камнерезном искусстве. Луганск, 2011.

Красильникова Л.И., Красильников К.И. Комплексное святилище в степном Подонцовье // *Дивногорский сб.* Вып. 1. Воронеж, 2009. *Кызласов И.Л.* Мечи из Прииртышья на фоне рубящего оружия степей Евразии // *Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи*. Воронеж, 2008.

Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния // *САИ*. Москва, 1974. Вып. Е4–2.

Плетнёва С.А. Половцы. Москва, 1990.

Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). Воронеж, 2003.

Прокофьев Р.В. Курганы из камня на правом берегу Северского Донца // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г.* Азов, Вып. 20. 2004.

Санжаров С.Н. Курганы у г. Краматорска на Казенном Торце // *Древние культуры Подонцовья*. Вып. 1. Луганск, 1993.

Соколова З.П. Культ животных в религии. Москва, 1972.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. Москва, 1976.

Хазанов А.М. Золото скифов. Москва, 1975.

Швецов М.Л. Половецкие святилища // *СА*, 1979, № 1.